

Российская революция и латиноамериканские левые

Вадим Дамье

Оглавление

Исторический контекст	3
Аналогии и параллели	4
Марксисты и революция в России	6
Российская революция и анархисты Латинской Америки	10
Список литературы	15

В сентябре 1923 г. мексиканский посол в США Мануэль Тельес встретился с неофициальным представителем советского НКВД Борисом Сквирским для обсуждения вопроса об установлении отношений между Советским Союзом и Мексикой. После встречи посол сообщал в мексиканский МИД о том, что заявил советскому дипломату следующее: "... Поскольку революция в России произошла позже и поскольку она в отдельных аспектах, похожа на нашу революцию, то в Мексике не испытывают недостатка таких же чувств по отношению к России, какие он мне выразил" [Советско-мексиканские отношения, 1981: 15]. Стремление сопоставить эти события, поставить их в один ряд – свидетельство того интереса, который вызвала Российская революция в странах Латинской Америки.

Исторический контекст

Для того, чтобы понять, что могло заинтересовать латиноамериканских левых в примере и опыте Российской революции – опыте как позитивном, так и негативном, – стоит упомянуть о том, что из себя представляли левые Латинской Америки на рубеже 1910-х и 1920-х годов. Это был целый конгломерат разнородных и различных по своим взглядам идейных и политических движений и организаций, которые нередко соперничали и ожесточенно боролись между собой. Здесь действовали марксистско-социалистические организации и группы, ориентированные в большей степени на социальные реформы, но включавшее и радикальное крыло. Наиболее заметными из них были социалистические партии в Аргентине и Чили. Большой популярностью пользовались анархизм и революционный синдикализм – за сторонниками этих идей и представлений шли сотни тысяч рабочих в профсоюзах таких стран, как Аргентина, Бразилия, Уругвай или Перу. В некоторых странах между анархистами и марксистскими социалистами еще не произошло окончательного размежевания, и они сотрудничали в профсоюзах, как было, к примеру, в Мексике, на Кубе или в Боливии. Отдельным мощным течением того времени можно считать аграристское движение, которое вело борьбу за возвращение земель крестьянам, в первую очередь – крестьянским общинам; наиболее ярким примером такого рода можно считать "сапатизм" в период Мексиканской революции. Наконец, активизировался и так называемый "национал-реформизм" – течения, которые отстаивали особую специфику стран региона и выступали за своего рода "третий путь" между капитализмом и социализмом, достигаемый посредством политических и экономических реформ, осуществляемых государством...

В конце 1910-х – начале 1920-х гг. левые движения в регионе в целом находились на подъеме, что определялось всей сложившейся исторической обстановкой. Информация о революционных событиях в России стала докатываться до Латинской Америки на фоне общей ситуации, которая складывалась под воздействием Первой мировой войны на эти страны, удаленные от главных театров боевых действий. Потребности рынка воюющей Европы в сырье и продовольствии, отрезанность от поставок из Европы – все это способствовало развитию промышленности стран Латинской Америки, строительству новых фабрик, увеличению числа наемных работников. Но экономический бум и увеличение прибылей предпринимателей не

сопровождались подлинным ростом уровня жизни трудящихся. Они страдали от стремительно разворачивавшейся инфляции, всеобщего подорожания товаров и услуг, расцвета спекуляции. Рабочих становилось все больше, они все явственнее ощущали свою силу, но положение их ухудшалось. В годы войны по многим странам континента прокатились волны массовых протестов и забастовок против роста цен на основные продукты и товары. Эти социальные движения сопровождались усилением радикальных настроений, распространением анархистских взглядов и революционно-синдикалистских методов действий. Крупнейшим выступлением такого рода стала всеобщая стачка, охватившая бразильский штат Сан-Паулу в июле 1917 г. Она вспыхнула в ответ на убийство конной полицией рабочего-анархиста из Испании Хосе Мартинеса, распространилась на 70 тысяч трудящихся и полностью парализовала хозяйственную и общественную жизнь. Забастовку возглавляли профсоюзы, находившиеся под влиянием анархо-синдикалистов, а ее ход координировал Комитет пролетарской защиты, одним из руководителей которого был анархист Эдгард Леуенрот. Бастующие потребовали повышения зарплаты на 25-35%, освобождения всех арестованных активистов, полной свободы организации профсоюзов, запрета детского труда и ночного труда женщин, установления 8-часового рабочего дня и т.д. В результате выступления рабочие добились повышения зарплаты [Roquette, 2000]. Стачки и протесты перебросились на Рио-де-Жанейро, южный штат Риу-Гранди-ду-Сул и другие районы Бразилии, причем отмечалось влияние сообщений о революции в России на профсоюзных активистов упомянутого штата.

Мексиканская революция и революция в России усилили бунтарские настроения. В 1918 – 1923 годах практически вся Латинская Америка переживала бурный социально-революционный подъём, который проявлялся в самых различных формах – бунтов, манифестаций протеста, стачек, всеобщих забастовок и революционных восстаний. К крупнейшим выступлениям пролетариата этих лет относятся: всеобщая стачка в Буэнос-Айресе, организованная в январе 1919 г. аргентинскими анархистами и синдикалистами ("кровавая неделя"), возглавленные анархистами всеобщие забастовки в Перу за 8-часовой рабочий день и против дороговизны в январе и мае 1919 г., всеобщая забастовка на Панамском канале (февраль 1920 г.), забастовка и восстание рабочих Патагонии (1921 г.), всеобщая стачка в эквадорском Гуаякиле (ноябрь 1922 г.) и др.

Аналогии и параллели

Первая реакция подавляющего большинства латиноамериканских левых на революцию в России оказалась восторженной. Многие радикалы региона были очарованы Российской революцией даже больше, чем их товарищи в Европе – хотя бы уже в силу географической удаленности и отсутствия достоверной информации. Тем сильнее оказывался соблазн воспринять заявления и действия большевиков не как то, чем они были в реальности – не как установление нового авторитарного режима, – но как нечто, соответствовавшее желаемому различных левых течений в Латинской Америке.

Сообщения о том, что в далекой России, на другом конце Земного шара, трудящимся удалось свергнуть деспотическое самодержавие, а затем и буржуазное правительство – правительство войны, что рабочим где-то удалось взять в свои руки предприятия, на которых они работали, а крестьянам – овладеть землей, не просто вызывали чувства симпатии, поддержки и солидарности с теми, кто осмелился подняться на борьбу. Раз получилось "у них", в России – почему не может получиться здесь, "у нас"? Таков был вопрос, который задавали себе левые в Латинской Америке. Более того, продолжая ту же логику, стоило подумать над тем, чтобы самим применить те методы и формы, которые привели к успеху в России. Тем более что, даже согласно поступавшей ограниченной информации, многие политические и социальные проблемы двух столь отдаленных регионов казались похожими.

Как и в России, большинство жителей в Латинской Америке обитали в сельской местности; сохранялись крупное помещичье землевладение и крестьянская община. Аграристов и активистов крестьянских движений региона, разумеется, в первую очередь привлекала именно аграрная общинная революция, которая развернулась в России. Характерны строки из письма Сапаты, написанного им в феврале 1918 года и адресованного одному из аграристских военачальников Хенаро Амескуа. Обе революции, продолжал он, "направлены против того, что Лев Толстой называет "величайшим преступлением": против гнусного присвоения земли, которая, являясь собственностью всех людей, как вода и воздух, была монополено присвоена кучкой могущественных людей, опиравшихся на силу армий и несправедливость законов". Сапата заявлял поэтому, что "дело революционной Мексики и дело России" есть "дело всего человечества" [Цит.: Gilly, 2007:306]. Иными словами, аграристы в Латинской Америке полагали, что революция в России примерным образом разрешила земельный вопрос. Информация об антикрестьянских действиях большевистских властей в годы гражданской войны до Латинской Америки не доходила до начала 1920-х годов. Но уже в конце 1921 г., комментируя голод в Советской России, один из лидеров мексиканских аграристов А. Диас Сото-и-Гама назвал одной из причин нехватки продовольствия в этой стране земельную политику большевиков [Monteón González, 2011: 84]

Стремление провести аналогии между проблемами, стоявшими перед столь отдаленными друг от друга регионами, могло вызываться и схожим местом стран периферии в рамках мировой системы. Российская революция воспринималась как антиимпериалистическая, то есть, направленная против гегемонии держав капиталистического "центра", а Советская Россия – как пример удачного освобождения периферийной страны, открывающего затем в потенциале дорогу к независимому индустриально-экономическому рывку. Такие мотивы звучали в оценках многих латиноамериканских левых, но особенно импонировали национал-реформистам. Так, правящая элита революционной Мексики, не собираясь "заменять мексиканскую правовую систему советской", хотела использовать советский опыт "в сфере массового образования, создания кооперативов, партийной организации и военной дисциплины. Духовное родство, которое, как считала мексиканская элита, существует между мексиканской и большевистской революциями, было основано на ее представлении об их общих целях", целях социальной справедливости [Spenser, 2004: 84].

Позднее, с началом сталинской индустриализации, подобный взгляд, казалось, получил дальнейшее подтверждение. Не случайно уже в 1930-х гг. национал-реформистские теоретики и группировки в ряде стран Латинской Америки предлагали различные модели сильного "корпоративного" государства, способного совершить форсированную модернизацию, и стремились при этом соединить элементы советского сталинизма, итальянского фашизма и германского нацизма ("национальный" и "государственный социализм" в Боливии, режим Р.Франко в Парагвае, отчасти – ранние взгляды колумбийского левого либерала Х. Гайтана).

Марксисты и революция в России

Латиноамериканские марксисты встретили начало революции в России с восторгом. Дух гуманности докатился до империи царей, и революция в России внесет вклад в достижение нового общественного строя, в котором не будет контраста между бедностью и богатством, поскольку собственность перейдет в руки производителей, писал, например, аргентинский сенатор-социалист Энрике Дель Валье Иберлусеа в марте 1917 года. "Было бы тяжелой ошибкой полагать, что русская революция является чисто политическим движением", подчеркивал он, утверждая, что дело не ограничится свержением царизма: "В России есть целый ряд давно уже стоящих вопросов – социальных, экономических, политических, моральных, религиозных, – которые требуют революционного решения. Смена политической системы, замена самодержавия конституционной и парламентской монархией или республикой – какой бы великой и экстраординарной она ни была – не решит сама по себе великие проблемы... Рабочие не могут довольствоваться завоеванием представительного режима" [Del Valle Iberlucea, 1934:29].

Однако уже вскоре после Октября 1917 г. в рядах социалистов началось размежевание, связанное с различным отношением к большевистскому эксперименту. Их радикальное крыло восприняло революционное свержение Временного правительства и приход к власти большевиков, установивших так называемую "диктатуру пролетариата", как подтверждение необходимости разрыва с реформизмом и парламентаризмом.

В январе 1918 г. аргентинские социалисты – противники вступления в мировую войну образовали Интернациональную социалистическую партию (ИСП) Аргентины, которая стала ссылаться на российский пример. "... Рабочий класс имеет великую и немедленную миссию: похоронить войну. Революционный импульс, как кажется, пересекает планету. Он начался в России и распространяется по всем уголкам мира, – говорилось в манифесте партии. – Его цель – установление социализма. Направляя взор на столь великий идеал, мы хотим быть агентами революционной трансформации в этой части Америки" [Цит. по: Massardo, 2008: 121]. Социалистическая партия в Мексике склонилась к ориентации на большевизм под влиянием революционных эмигрантов (выходцев из США Чарльза Филипса и Хосе Альена, индеец М.Н.Роя) и мексиканского активиста Мануэля Диаса Рамиреса, которые находились в тесном контакте с приехавшим в страну российским коммунистом М.М. Грузенбергом (Михаилом Бородиным). В ноябре 1919 г. она сменила название на Коммунистиче-

скую партию Мексики и объявила о своем присоединении к Коммунистическому Интернационалу [Melgar Bao, 2001: 376–379].

Коминтерн уже в 1919 г. начал предпринимать усилия по созданию в Латинской Америке организаций своих сторонников. 8 декабря 1919 г. в Мехико было объявлено о создании Латиноамериканского бюро III Интернационала, просуществовавшего до 1921 г. В его первый состав вошли мексиканцы Элена Торрес и Антонио Руис, североамериканцы Мартин Брюстер и Х. Альен и перуанец Леопольдо Урмачеа; позднее к ним присоединились и другие. Бородин и Филипс вскоре покинули Мексику. Бюро приняло решение создавать в странах континента ячейки, а затем созвать Латиноамериканский коммунистический конгресс. В 1921 г. работу бюро возглавили приехавшие в Мексику Катаяма Сен, Луис Фрайна и Ч. Филипс [Melgar Bao, 2001: 380, 382, 386].

Характерно, что, подобно тому, как это происходило в странах Азии, работа Коминтерна в Латинской Америке была нацелена первоначально отнюдь не только на марксистских социалистов. Большевики надеялись привлечь к создаваемому ими течению также активных анархистов, синдикалистов и других левых – но, разумеется, под своим собственным идейно-политическим контролем. Так, например, на Кубе первым контактом коминтерновцев стал видный рабочий-анархист Марсело Салинас, сотрудничавший с социалистами. С ним связался Филипс, и в декабре 1919 г. Салинас даже подал просьбу о приеме в Коминтерн. Лишь позднее большевикам удалось привлечь на свою сторону марксистов: летом 1922 г. Социалистическое объединение Гаваны постановило выйти из Второго Интернационала и присоединиться к Третьему, а в марте 1923 г. переименовалось в Коммунистическое объединение [Ивкина, 2016: 287–288]. В Мексике поддерживались отношения с самыми различными течениями – как в составе реформистской Мексиканской региональной рабочей конфедерации (КРОМ), так и вне ее. В середине 1921 г. КРОМ направила в Москву для установления контактов с Профинтерном генерального секретаря Эулалио Мартинеса и Фернандо Родарте, которые провели переговоры с руководством международного большевистского профобъединения [Taibo, 1986: 157]. В докладе, представленном Учредительному конгрессу Профинтерна (РГАСПИ. Ф.534. Оп.7. Д.393. Лл.7-17), Мартинес охарактеризовал КРОМ как революционную организацию, ведущую классовую борьбу. Одновременно Москва развивала связи с параллельным мексиканским профобъединением, которое было образовано анархо-синдикалистами и коммунистами – Всеобщей конфедерацией трудящихся (ВКТ). На конгрессе Профинтерна ее представлял коммунист Мануэль Диас Рамирес. Москва потребовала от обоих профцентров объединения, надеясь, что коммунисты смогут добиться влияния в едином профсоюзном движении страны, но эта линия не встретила понимания ни в КРОМ, ни у анархо-синдикалистов [Taibo, 1986: 157].

В Центральной Америке бюро Коминтерна в 1920–1921 гг. смогло установить связи с рабочими, профсоюзными и анархо-синдикалистскими организациями Гватемалы, Панамы и создать коммунистические группы [Melgar Bao, 2001: 392–393].

Направленные в Южную Америку (прежде всего, в Аргентину и Чили) эмиссары Коминтерна Феликс Вайль (Б. Лусио), Максимилиан Коэн (Генри Аллен) и Михаил Комин-Александровский также наладили контакты связи с широким спектром левых и радикальных движений [Raport, 2014]. Александровский и М. Машевич

еще в 1920 г. посетили Москву как представители организаций русских рабочих в Аргентине, и 7 сентября 1920 г. Малое бюро Исполкома Коминтерна постановило отказаться от каких-либо отношений с Социалистической партией Аргентины, однако предложить сотрудничество ИСП и обеим ФОРА. Было решено "оказать финансовую поддержку партии социалистов-интернационалистов и коммунистической федерации (ФОРА V конгресса, – В.Д.) через т. Катаяму". Машевич привез ИСП 20 тыс. песо в конце 1920 г. [Казаков, Российские рабочие организации, 2016: 279–280]. В декабре 1920 г., под влиянием Коминтерна, ИСП сменила имя на Коммунистическую партию Аргентины. В Чили Социалистическая рабочая партия объявила о присоединении к Коминтерну в декабре 1920 г., провозгласив полную симпатию к "русской революции и советскому строю", который "заменил капиталистическое государство в России" [Очерки истории Чили, 1967: 258]. Через год СРП стала называться Коммунистической партией Чили. Формирование пробольшевистской партии в Бразилии происходило в острой полемике с анархистами.

Таким образом, в начале 1920-х гг. Коминтерну удалось создать в Латинской Америке ориентирующееся на него политическое течение. Однако история дальнейших отношений коммунистических партий и групп с Москвой достаточно непростая и извилистая. Она сопровождалась ожесточенной внутривнутрипартийной борьбой, расколами, а также периодическими попытками оторваться от слишком детального копирования российско-советского опыта и найти сравнительно самостоятельную социалистическую линию. Одним из самых известных теоретиков латиноамериканского марксизма в 1920-х гг. выступил перуанец Хосе Карлос Мариатеги, который, наряду с провозглашением приверженности "марксизму-ленинизму", отстаивал такие элементы регионального своеобразия, как наличие общинных традиций, индейский фактор и неспособность, по его мнению, национальной буржуазии играть позитивную роль в антиимпериалистической борьбе.

Напротив, латиноамериканские марксисты, выбравшие социал-реформистскую линию, вскоре оценили опыт большевиков как негативный. Во многом, именно отталкиваясь от его неприятия, они разрабатывали свою реформистскую стратегию перемен. Выступая в 1920 г., лидер аргентинских социалистов Хуан Хусто озвучил ключевой, на его взгляд, вопрос в полемике со сторонниками большевистской модели: "Должны ли мы, аргентинские социалисты, обратить свое главное внимание на Россию или на более близкие к нам страны?". И тут же уточнил, что под "более близкими" он имеет в виду такие страны, в которых проводятся существенные социальные реформы – например, Австралию [Da Orden, 2007:37].

Тем не менее, собравшаяся в 1919 г., по инициативе Социалистической партии Аргентины (СПА), Панамериканская социалистическая рабочая конференция (с участием представителей Аргентины, Боливии, Парагвая, Перу, Уругвая и Чили) направила заявления поддержки рабочим России, Венгрии и Германии [Alba, 1968: 114–115]. Объясняя политическую дилемму, с которой столкнулись аргентинские социалисты в связи с революцией в России, историк Р. Уолтер отмечает два разнонаправленных мотива: "С одной стороны, партия не могла отмежеваться от большевистского режима, не показавшись вставшей в один ряд с аргентинскими правыми и не сузив еще больше свои отношения с теми членами, которые считали, что партия отделилась от интересов пролетариата. Как можно отрицать первую успешную марксистскую

революцию? С другой стороны, слишком тесно идентифицировать себя с революционными большевиками означало бы пойти прямо против 25 лет реформистской, ненасильственной, парламентской и политической истории партии" [Walter, 1977: 176]. В СПА имелись как сторонники сближения с Коминтерном, так и противники такого выбора. К примеру, сенатор Дель Валье Иберлусеа в 1920 г. заявил, что большевики в России осуществляют кардинальные положения марксистской теории, установив диктатуру пролетариата и осуществляя социализацию экономики, а российские Советы являются "подлинной демократией", намного превосходящей демократию буржуазную [Del Valle Iberlucosa, 1934: 49–71]. Он и его сторонники призывали СПА присоединиться к Коммунистическому Интернационалу, порвав с линией II Интернационала и "центристами" [Del Valle Iberlucosa, 1934: 109–147]. В конце 1920 г. приверженцы III Интернационала в партии начали издавать газету "Херминаль", добиваясь "разрыва" с реформизмом и адаптации к новым условиям, порожденным мировой войной и революцией в России.

Напротив, лидеры СПА Х. Хусто и А. де Томасо в начале 1919 г. посетили Европу и встречались в Берне и Амстердаме с представителями социал-демократических партий и профсоюзов, обсудив с ними вопросы возрождения мирового социалистического движения. Получив от европейских коллег информацию о диктаторской политике большевиков, они распространяли ее в Аргентине. С ноября 1920 г. противники Коминтерна в СПА выпускали свой печатный орган – "Демокрасия социалиста". Они подчеркивали неприемлемость централистского контроля над деятельностью отдельных партий и неприменимость "21 условия" вступления в Коминтерн к условиям Аргентины. От имени парламентской группы СПА, Хусто представил партии "Программу международного социалистического действия". В этом документе он подверг критике II Интернационал за непонимание экономических проблем международного соперничества, "неосознанный империализм" и неспособность противостоять национализму. В то же самое время, лидер СПА обвинил III Интернационал в том, что тот не обращает должного внимания на эти же вопросы, стремится контролировать деятельность отдельных партий и не учитывает изменения в структуре мирового хозяйства. Хусто высказался за создание нового Интернационала, свободного от ошибок II и III и основанного на социалистической программе, которая будет признавать равенство рас, добиваться международного трудового законодательства, устранение торговых барьеров и господства иностранного капитала и введение единой мировой денежной системы, мер и весов.

На съезде СПА в Баия-Бланка в январе 1921 г. умеренное большинство предложило выразить симпатии к российской революции, выйти из II Интернационала и создать новый Интернационал, в соответствии с принципами, сформулированными Хусто. Радикальное меньшинство добивалось присоединения к Коминтерну: Дель Валье Иберлусеа осудил реформизм и высказался за революцию и диктатуру пролетариата, заявив, что буржуазия не позволит осуществить преобразования, даже если социалисты завоюют парламентское большинство. Одновременно он выступил за то, чтобы продолжать использовать парламентскую борьбу, стараясь внести революционные позиции в парламент и политическую систему.

Съезд СПА проголосовал за выход из II Интернационала. Делегаты единогласно и стоя приняли приветствие солидарности с революцией в России. Небольшим

большинством голосов были утверждены положения международной программы, предложенной Хусто. Предложения об участии в реконструкции II Интернационала и о присоединении к Коминтерну были отвергнуты. Вскоре после этого в СПА произошёл раскол: многие из приверженцев III Интернационала вышли из партии и присоединились к Коммунистической партии Аргентины [Walter, 1977: 176–179]. Раскол социалистов произошел и в соседнем Уругвае: на съезде существовавшей с 1910 г. Социалистической партии (СПУ) в сентябре 1920 г. победило крыло, выступавшее за ратификацию "21 условия" вступления в Коминтерн. Большинство партии приняло название "Коммунистическая партия Уругвая" ой, меньшинство сохранило организацию под старым именем СПУ.

Так в Латинской Америке, под влиянием различной оценки опыта российской революции, произошел тот же раскол марксистского социализма на партийных коммунистов и социал-демократов, что и по всему остальному миру. Но если в Европе большинство марксистов пошло за социал-демократией, то в Латинской Америке возникла обратная ситуация. В период между двумя мировыми войнами коммунистические партии возникли в таких странах региона, как Аргентина, Мексика, Уругвай, Чили, Бразилия, Гватемала, Гондурас, Куба, Эквадор, Парагвай, Перу, Сальвадор, Панама, Колумбия, Венесуэла, Коста-Рика, Пуэрто-Рико и Гаити. В то же время, к Социалистическому рабочему Интернационалу в межвоенную эпоху принадлежали лишь социалистические партии Аргентины и Уругвая, а также созданная в 1933 г. Социалистическая партия Чили. Объясняя причины меньшего распространения "классической" социал-демократии в Латинской Америке, исследователи чаще всего обращают внимание на особенности социальной структуры. Среди важнейших факторов называются такие отличия от Европы, как более низкая доля промышленного пролетариата в регионе; большая социальная гетерогенность; отсутствие мощных, централизованных и жестко организованных профсоюзов, традиционно связанных с массовыми социалистическими партиями; "зависимый тип" развития; господство иностранного капитала и привилегированной олигархии, нехватка финансовых и налоговых ресурсов для осуществления всеобъемлющих институциональных моделей "социального государства" и "классового компромисса" [см., например: Roberts, 1998: 276; O`Toole, 2007: 490–492]. В этой ситуации место социал-демократии в политическом спектре оказалось занято "левым" крылом национал-реформизма, который во второй половине XX столетия установил прочные связи с Социалистическим Интернационалом.

Российская революция и анархисты Латинской Америки

На крайне левом фланге латиноамериканские анархисты, имевшие в тот момент преобладание в рабочем движении ряда стран региона, вначале увидели в Российской революции то, что они хотели – решительный шаг на пути к установлению справедливого и безгосударственного строя анархистского коммунизма. Немалое их число эволюционировало к "анархо-большевизму", а затем и просто к большевизму. Отношение к "российскому опыту" глубоко раскололо латиноамериканский анархизм и поставило его перед решающим выбором.

Первоначально анархисты Латинской Америки, как и во многих других регионах планеты, сочли революцию в России началом мировой революции. Мексиканский анархист Роберто Флорес Магон в статье, опубликованной в марте 1918 г., прокомментировал антивоенные и антикапиталистические заявления Ленина и назвал его "революционной фигурой, которая все больше сияет в хаосе условий, существующих по всему миру". Возглавляемое им движение вольно или невольно вызовет "великую мировую революцию, которая уже стучится в двери всех народов..." [Flores Magon, 1918]. Энтузиазм был настолько силен, что многие анархисты даже объявляли, что революция в России является почти анархистской или, во всяком случае, открывает прямую дорогу к тому общественному устройству, за которое ратует анархизм. Как выразился ведущий кубинский анархист Антонио Пеничет, "большевизм – это ни социализм, ни анархизм, но близок и к тому, и к другому, вбирая из них энергию, необходимую для движения вперед... От большевизма будет гораздо легче перейти к анархизму, чем от нынешней социальной системы" [цит. по: Дамье, 2015: 50].

В Бразилии анархист Астрожилду Перейра писал в августе 1918 г., что "российская революция – это подлинная либертарная революция против существующей буржуазной системы собственности и власти" [цит. по: Barbosa Nébias, 2009:153]. Анархо-синдикалисты организовывали забастовки и восстания, объявляя о создании Советов – как им казалось, на российский манер. Они называли свои группы "максималистскими" (так переводилось слово "большевистские") или "коммунистическими". В ноябре 1918 г. анархо-синдикалистские профсоюзы подняли всеобщую стачку и восстание в Рио-де-Жанейро, Нитерое, Петрополисе, Маже и Баже, намереваясь создать рабочую "республику Советов". Во главе Совета, руководившего восстанием, стоял анархист Жозе Ойтисика, профессор колледжа [подробнее о восстании в ноябре 1918 г. см.: Addor, 1986]. Хотя выступление было подавлено, бразильские анархисты сохраняли прежние ориентиры. В марте 1919 г. они объявили о создании Либертарной коммунистической партии, в июне того же года провели "первую коммунистическую конференцию" в Рио-де-Жанейро. В программном тексте "Что такое максимализм или большевизм? Коммунистическая программа", который был написан Элио Негро и Эдгаром Леуенротом, утверждалось, будто в Советской России установлена "переходная политическая и экономическая организация" общества – "Федеративная Республика Советов". Она будет сохраняться до тех пор, пока продолжается революционная ситуация" в виде власти городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства", нацеленной на уничтожение эксплуатации человека человеком и победу социализма, при котором не будет ни классов, ни государства [Cubero, 2007:4]. В этом же документе предлагался план Советской республики в Бразилии: в каждом населенном пункте должны были быть созданы коммуны или советы, понимаемые не как исполнительные органы, а как общие собрания рабочих и крестьян. Делегаты от этих "советов" составляли "народный комиссариат", избравший исполнительный комитет и специализированные комиссии. Экономика и общественные службы должны были быть социализированы.

В Аргентине газета "Ла Протеста", которая фактически являлась главным изданием анархистского движения страны и неформальным органом многотысячного анархистского профцентра "Аргентинская региональная рабочая федерация" (ФОРА-V), приветствовала революцию в России как продолжение и триумф долгой традиции

всемирного движения за свободу, отмечая, что "полный разгром государственного режима" открывает новые перспективы для анархизма. Она стала "последним краем тропы, проложенной эпохой жестокости и преступлений", началом новой эры во всем мире, когда люди смогут построить новое, свободное общество, как начало мировой революции [цит. по: Pittaluga, 2002: 73–75]. Анархисты пытались даже найти оправдание лозунгу "диктатуры пролетариата", которую они пытались истолковать не как новую форму государственной власти, а как всего лишь акты насильственной экспроприации капиталистической собственности снизу и борьбу с вооруженной контрреволюцией [Pittaluga, 2002: 77]. Анархистский журнал "Прометею" назвал "пролетарскую диктатуру" – "социальной фатальностью", подкрепленной необходимостью добиться полной победы революции и гарантировать новый образ жизни. "Поскольку триумф коммунистического дела в России способствовал большому благополучию для всего общества, мы должны придавать как можно меньшее значение диссонансам, которые вырастают из определенных действий, совершенных Лениным и Троцким, – писал журнал. – Как бы то ни было, они – всего лишь переходные персонажи. Историю нельзя остановить; чтобы она остановилась, должны исчезнуть мы. А мы существуем" [Santos Ferraris, 1919: 3].

В новом составе Федерального совета ФОРА-V, избранном в 1919 г., тон задавали сторонники сотрудничества с российскими большевиками [Bericht, 1925: 99–101]. В анархистском движении сложилось "анархо-большевистское" течение, которое добивалось принятия принципа "диктатуры пролетариата" и объединения с ФОРА-IX. Хотя эта линия не получила одобрения на конгрессе ФОРА-V осенью 1920 г., профцентр переименовал себя в "Коммунистическую ФОРА", а в 1921 г. направил делегата Т. Баркера на конгресс Профинтерна в Москву [Дамье, 2016: 88–91].

В других странах Латинской Америки в 1919–1921 гг. также существовало сотрудничество между анархистами и сторонниками Москвы.

Так, в Мексике анархистская группа "Свет" в 1919 г. образовала Коммунистическую федерацию мексиканского пролетариата. В феврале 1921 г. федерация созвала профсоюзный съезд, на котором была учреждена Всеобщая конфедерация трудящихся (ВКТ). Хотя профобъединение выступало за либертарный коммунизм, в его рядах и руководящих органах состояли не только анархо-синдикалисты, но и коммунисты. ВКТ объявила о признании "диктатуры пролетариата", понимаемой как беспартийное самоуправление рабочих и крестьян через Советы, и заявила о присоединении к Профинтерну [Дамье, 2006: 173–174]. В Рабочей федерации Чили (ФОЧ) анархисты и будущие коммунисты в 1918–1920 гг. действовали совместно, противостоя реформистам. На съезде профобъединения в декабре 1919 г. они добились принятия декларации принципов, в которой провозглашалась цель замены капитализма Рабочей федерацией, берущей в свои руки управление производством [Дамье, 2006: 180]...

Правда, уже в 1919 г. стали раздаваться первые критические голоса в адрес большевизма и российского опыта. Так, известный аргентинский анархист Теодоро Антили выступил с развернутой статьей, в которой указывал на то, что большевики отнюдь не заменяют партии и политические институты власти вольными Советами, но подменяют буржуазный режим другим, государственным. Он и другие авторы газеты "Трибуна пролетария" оценивали большевизм как продолжение этатистской

социал-демократии, с ее концепцией "переходного государства" и сотрудничеством с буржуазией, и заявляли, что он вовсе не является переходным шагом к свободе и может быть устранен лишь новой революцией. Большевистский, марксистский коммунизм не имеет ничего общего с анархистским коммунизмом, поскольку марксизм "всегда мечтает о централизации и диктатуре ради утверждения в такой форме коллективистского государства". Соответственно, "диктатура пролетариата" есть, по сути, диктатура большевистских вождей над пролетариатом, а Советы – отнюдь не революционный комитет, а орудие партии [Antilli, 2014]. В Бразилии Флорентину ди Карвалью писал 20 марта 1920 г. на страницах "А Плебе": "Неправда, что мы, анархисты, – приверженцы диктатуры, закона, государства. В России, например, они настолько не соответствуют диктатуре пролетариата, что поддержали настоящие бои против максималистов (большевиков, – В.Д.) на улицах Петрограда и Москвы". Позднее Карвалью осудил создание Либертарной коммунистической партии и заявил, что, на основании изученных им документов, режим в России "по сути противоположен нашим принципам" [Cubero, 2007:4]. В Чили анархист Хосе Сантос Гонсалес Вера подчеркивал в ноябре 1921 г. на страницах студенческого либертарного журнала "Кларидад": "Наша симпатия к революции не распространяется на режим, который сейчас устанавливается в России, потому что этот режим столь же или даже еще более авторитарен, чем в других странах... Если ему удастся удержаться, он превратит Россию в слегка коллективистскую республику, в которой, разумеется, трудящиеся будут лучше вознаграждаться, но сохранится буржуазия, превращенная в бюрократию" [цит. по: Grez Toso, 2013: 195–196].

Однако такие голоса первые годы оставались одинокими. Размежевание с большевизмом началось в 1921 г. Отношение к революции в России в ФОРА и среди большинства анархистов в Аргентине резко ухудшилось, когда в Латинской Америке стали известны детали подавления Кронштадтского восстания и разгрома анархистского движения в России большевистской диктатурой. Большую роль в информировании анархистов региона сыграли статьи и брошюры таких видных представителей международного движения, как немецкие анархо-синдикалист Рудольф Роккер и Аугустин Сухи, американские анархисты Эмма Гольдман и Александр Беркман и др. Еще одним источником информации о положении в России служили сообщения русских анархистов (А. Горелика и др.), публиковавшиеся в выходившем с 1920 г. в Буэнос-Айресе журнале "Голос труда", органе Федерации российских рабочих организаций Южной Америки, и распространявшиеся Рабочей издательской группой в Аргентине. Позже они переводились на испанский язык [Дамье, 2016: 91–92].

Еще одной причиной для недовольства анархистов стала профсоюзная тактика большевиков и возглавлявшегося ими Профинтерна. В "Условиях приема в Коммунистический Интернационал" ("21 условия"), утвержденных на II конгрессе Коминтерна в августе 1920 г., был закреплен курс на создание международного объединения "красных профессиональных союзов, примыкающих к Коммунистическому Интернационалу". Оно планировалось как альтернатива Амстердамскому Интернационалу профсоюзов, который контролировался социал-демократией. В то же время, была одобрена линия на работу в крупных реформистских профсоюзах, где предполагалось оттеснить реакционную "профсоюзную бюрократию". В них следовало

"образовывать коммунистические ячейки, которые длительной и упорной работой должны завоевывать профессиональные союзы и т.д. для дела коммунизма... Эти коммунистические ячейки должны быть целиком подчинены партии в целом" [Коммунистический Интернационал в документах, 1933: 102]. Из этого вытекала установка на создание объединенных крупных профсоюзов, руководимых коммунистами. Однако она шла вразрез с анархо-синдикалистскими принципами независимости от всех политических партий и создания отдельных синдикалистских профсоюзов как основного рычага революции. Призывы сторонников Москвы к слиянию рабочих организаций, не входящих в Амстердамский Интернационал, вызывали тем большее возмущение среди анархистов, что практический опыт сотрудничества с неанархистскими союзами оказался крайне неудачным и принес горькие разочарования. ФОРА-V сетовала на то, что отколовшийся от него синдикалистский профцентр ФОРА-IX, на объединении с которым настаивали сторонники Профинтерна, неоднократно отказывался поддержать совместные забастовочные выступления в 1919–1921 гг. или срывал их. Аналогичные обвинения в адрес мексиканской КРОМ выдвигала ВКТ.

В августе 1921 г. конференция ФОРА-V отвергла вступление в Профинтерн и сместила его сторонников из состава Федерального совета. Объединение с ФОРА-IX было отклонено. Аргентинские анархисты выступили с совместным манифестом "Об удушении анархистской пропаганды в России". С сентября 1921 г. тон анархистской критики в адрес большевиков и Советской России становится еще жестче: "диктатура пролетариата" определяется как новая государственная власть и, следовательно, – отрицание свободы, а репрессии против анархистов оцениваются как проявление и следствие марксистской идеологии. Со страниц "Ла Протеста" аргентинские либертарианцы обвинили большевиков в обмане и предательстве. Ленин "поднял знамя Бакунина", чтобы поднять трудовой народ на революцию, говорилось в еженедельном приложении к газете в феврале 1922 г., поскольку "русский народ склонялся к формам жизни без правительства"; однако затем партия узурпировала власть и отняла все достижения, завоеванные "в первый либертарный период" борьбы [La consolidación..., 1922]. Россией управляет "новая каста, выросшая из коммунистической партии" [Escalante, 1922]. Анархистская ФОРА заняла непримиримую линию в отношении Москвы. Осенью 1922 г. она самым решительным образом отклонила приглашение руководства Профинтерна принять участие в работе его конгресса в Москве, как "особенно кровавую иронию". "Наша федерация, – говорилось в ответном послании Федерального совета, – не имеет никаких контактов с этим Интернационалом и не выказывала в отношении его никакой симпатии". Совет выразил "революционную верность всем угнетенным, включая нынешних рабов в большевистской России", и твердую решимость разорвать "недостойную связь с предателями и заговорщиками", которые "обезглавили русскую революцию", заменив ее "отвратительной диктатурой пролетариата" и "беспримерным абсолютизмом нынешнего марксистского государства". Профинтерн воспринимался аргентинскими анархистами как "рабский инструмент коммунистической партии, которая властвует над несчастным российским народом и чья главная цель – восстановить инквизицию и убить все анархистское движение".

Ответ ФОРА был выдержан в тоне резкой отповеди: "... Вы нас с кем-то спутали. Наша позиция абсолютно противоположна вашему Интернационалу и тем более тому

преступному делу, которое творится институтами российского правительственного механизма и направлено против всех тех, кто не принимает причастия в соответствии с темной религией, чей основной источник – в священном культе, почитаемом большевистской сектой и направленном, в первую очередь, против анархистов". Аргентинские рабочие анархисты обвинили большевизм и Профинтерн в том, что те "расставляют ловушки трудящимся, вносят смуту в пролетариат, сеют хаос и ведут борьбу иным, еще более отвратительным оружием". ФОРА выражала протест против репрессий в отношении анархистов в России (РГАСПИ. Ф.534. Оп.7. Д.72. Лл.7-8).

Анархистская ФОРА вступила в Международную ассоциацию трудящихся – анархо-синдикалистский Интернационал, образованный в декабре 1922 – январе 1923 г. на конгрессе в Берлине. В свою очередь, сторонники социал-демократов, коммунистов и изгнанные из ФОРА образовали в марте 1922 г. новую объединенную профсоюзную организацию – Аргентинский синдикальный союз (УСА); в его руководстве оказались многие из "анархо-большевиков". Аналогичный раскол произошел в Уругвае: пробольшевистские элементы и анархисты – сторонники "диктатуры пролетариата", исключенные из Уругвайской региональной рабочей федерации (ФОРУ) в 1921 г., создали в 1923 г. Уругвайский синдикальный союз.

В Бразилии разрыв между анархистами и приверженцами Москвы произошел к 1922 г. В 1921 г. эмиссар Коминтерна Жюль Юмбер-Дро встретился в Рио-де-Жанейро с Э. Леуенротом и пытался привлечь его к созданию коммунистической партии. Тот отказался, но направил гостя к Астрожилду Перейре, который согласился возглавить организационную работу [Rodrigues, 1997: 30–31]. В марте 1922 г. была образована Бразильская коммунистическая партия – во главе ее стояли бывшие анархисты, полностью отказавшиеся от своих прежних антигосударственных убеждений.

В Мексике конгресс ВКТ в сентябре 1921 г. принял анархо-синдикалистскую резолюцию, призывавшую решить вопрос о выходе из Профинтерна. Делегация коммунистов в знак протеста покинула съезд [Hart, 1978: 160–161]. В ноябре 1921 г. коммунист Диас Рамирес сообщал в Москву, что анархо-синдикалисты развернули активную пропаганду против компартии и Профинтерна (РГАСПИ. Ф.534. Оп.7. Д.393. С.5). В Чили, напротив, победа в профсоюзном движении осталась за коммунистами: в декабре 1921 г. съезд Рабочей федерации Чили принял решение о вступлении в Красный Интернационал профсоюзов; бастионом анархистов стала небольшая, но активная чилийская секция Индустриальных рабочих митра (ИРМ)...

Подытоживая, можно сказать, что революция в России стала для латиноамериканских левых надеждой и одновременно – великой иллюзией. Чары этой иллюзии для одних рассеялись очень быстро. Другие построили на ней свое движение. Так или иначе, события в далекой России наложили неизгладимый отпечаток на процессы развития общественно-политических движений в Латинской Америке.

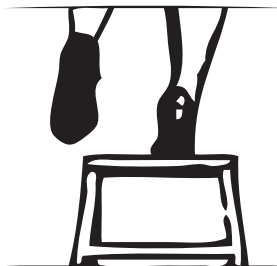
Список литературы

Дамье В.В. "Вы нас с кем-то спутали..." Аргентинские анархисты и российская революция 1917 года // Левая альтернатива в Латинской Америке / Latinoамериканский исторический альманах. 2016. №17. С.80–99.

- Дамье В.В. Забытый Интернационал. Международное анархо-синдикалистское движение между двумя мировыми войнами. Т.1. М., 2006.
- Дамье В.В. Либертарное движение на Кубе: от колониальной эпохи до диктатуры Кастро // Социальные движения и социальная политика в XX веке. М., 2015. С.46–72.
- Ивкина Л.А. Карлос Балиньо – основатель первой компартии Кубы Левая альтернатива в Латинской Америке / Латиноамериканский исторический альманах. 2016. №17. С.281–290.
- Казаков В.П. Российские рабочие организации в Аргентине и Коминтерн Левая альтернатива в Латинской Америке / Латиноамериканский исторический альманах. 2016. №17. С.277–280.
- Казаков В.П. Социалистическое движение в Аргентине (в конце XIX – начале XX века) // Левая альтернатива в Латинской Америке / Латиноамериканский исторический альманах. 2016. №17. 2016. С.28–79.
- Коммунистический Интернационал в документах. Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ. 1919–1932. М., 1933.
- Очерки истории Чили. М., 1967.
- Советско-мексиканские отношения, 1917–1980. Сборник документов. М., 1981.
- Addor C.A. A insurreição anarquista no Rio de Janeiro. Rio de Janeiro, 1986.
- Alba V. Politics and the Labor Movement in Latin America. Stanford, 1968.
- Antilli T. Comunismo y anarquía. Toda la tendencia humana es al comunismo y la anarquía (1919). Buenos Aires, 2014.
- Barbosa Nébias W. A greve geral e a insurreição anarquista de 1918 no Rio de Janeiro: um resgate de atuação das associações de tranalhadores. Dissertação... para obtenção de título de Mestre em História Comparada. Rio de Janeiro, 2009.
- Bericht der "Federacion Obrera Regional Argentina" – Regionale Arbeiterföderation Argentinien zum zweiten Kongreß der Internationalen Arbeiter-Assoziation (I.A.A.) // Die Internationale. Organ der Internationalen Arneiter-Assoziation. Berlin, 1925. Nr.5. Juni.
- Cubero J. Reflexos da Revolução Russa no Brasil // Boletim do Centro de Cultura Social. São Paulo, 2007. No.24 (3). Setembro. P.3–4.
- Da Orden M.L. Socialismo y nación en la Argentina moderna: un recorrido a través de las ideas y prácticas políticas de Juan B. Justo // Iberoamericana. América Latina – España – Portugal. Revista interdisciplinaria de literatura, historia y ciencias sociales. 2007. Vol.VII. No.28. P.25–41.
- Del Valle Iberlucea E. La revolución rusa. Buenos Aires, 1934.
- Escalante R. Estado y Burocracia // La Protesta. Suplemento Semanal. Buenos Aires, 16.01.1922. No.2. P.5.
- Flores Magon R. La revolición rusa // Regeneración. Periodico Revolucionario. Los Angeles, 16.03.1918. No.262. P.1.
- Gilly A. La revolución interrumpida. 2a edición. México, 2007.
- Grez Toso S. González Vera: de muchacho anarquista a hombre de izquierda // Anales de literatura chilena. 2013. No.19. Junio. P.183–210.
- Hart J.M. Anarchism and the Mexican working class, 1860–1931. Austin, 1978.
- La consolidación de los derechos adquiridos // La Protesta. Suplemento Semanal. Buenos Aires, 27.02.1922. No.8. P.1.

- Massardo J. La formación del imaginario político de Luis Emilio Recabarren. Santiago de Chile, 2008.
- Melgar Bao R. Redes y representaciones cominternistas: el Buró Latinoamericano (1919–1921) // *Universum. Revista de Humanidades y Ciencias Sociales*. Talca, 2001. No.16. P.375–405.
- Monteón González H. La solidaridad: un puente que unió a México y la Rusia soviética // *Espiral. Estudios sobre Estado y Sociedad*. Guadalajara, 2011. Vol.XVIII. No.51. Mayo / Agosto. P.73–102.
- O`Toole G. *Politics Latin America*. Harlow, 2007.
- Pittaluga R. De profetas a demonios: Recepciones anarquistas de la Revolución Rusa (Argentina, 1917–1924) // *Sociohistórica*. 2002. No.11–12.
- Rapoport M. *Bolchevique de salón: Vida de Félix J. Weil, el fundador argentino de la Escuela de Frankfurt*. Buenos Aires, 2014.
- Roberts K.R. *Deepening Democracy? The Modern Left and Social movements in Chile and Peru*. Stanford, 1998.
- Rodrigues E. *Pequena história da imprensa social no Brasil*. Florianópolis, 1997.
- Roquette Lopreato Ch. *O espírito da revolta: a greve geral anarquista de 1917*. São Paulo, 2000.
- Santos Ferraris A. *Dictadura proletaria // Prometeo. Quincenario*. Buenos Aires, 1919. No.2. Septiembre. P.3.
- Spenser D. *El triángulo imposible: México, Rusia Soviética y Estados Unidos en los años veinte*. Mexico, 2004.
- Taibo P.I. *Los Bolsheviki: historia narrativa de los orígenes del comunismo en México, 1919–1925*. México, 1986.
- Walter R.J. *The Socialist Party of Argentina 1890–1930*. Austin, 1977.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт



Вадим Дамье
Российская революция и латиноамериканские левые

Скопировано 2018-01-13 с <http://www.aitrus.info/node/5052>
Опубликовано: "Альтернативы". 2017. №3. С.139-155.

ru.theanarchistlibrary.org